

А.В. Тютторский

**Рабочие Подмосковья конца XIX – начала XX в.
(социокультурная характеристика)**

Изучая социальный состав избранной для исследования группы, как правило, следует выяснить процент различных социальных слоев, которые в нее входят. Однако в отношении рабочих конца XIX – начала XX в. необходимо поставить вопрос несколько иначе.

Первая проблема состоит в том, что еще в начале XX в. в Российской империи рабочих юридически не существовало. Так, во время выборов в земские собрания работники мануфактур и фабрик голосовали как крестьяне в своей родной деревне, а в городском собрании они не были представлены вообще. В таком случае первой целью настоящей работы будет выяснение границ и принципов выделения той социальной группы, которая называется рабочими.

Вторая проблема взаимосвязана с первой – большинство рабочих считало свою работу не постоянным занятием, а отходом, временным заработком. Обычно они трудились два–три года на одном предприятии, потом переходили на другое, затем вели деревенское хозяйство и снова уходили в город на фабрику¹. Таким образом, необходимо ответить на вопрос, почему рабочие не стали устойчивым социальным слоем и вплоть до начала XX в. не обрели свою собственную субкультуру.

Попытаемся решить эти две проблемы на основании архивных материалов, относящихся к Московской губ. конца XIX – начала XX в. Такие хронологические и географические рамки выбраны не случайно. В Московской губ. наиболее интенсивно происходило формирование социальной группы рабочих; конец XIX – начало XX в. – время наиболее интенсивного формирования пролетариата.

Источниками данной работы служат материалы двух фондов Отдела письменных источников Государственного Исторического музея: 426 – Московские историко-бытовые экспедиции и 433 – Московские областные историко-бытовые экспедиции².

Московская городская экспедиция работала в 1959 г. на заводах «Серп и Молот» (до революции принадлежал Гужону) и «Красный про-

летарий» (принадлежал Бромлею). В материалах экспедиции содержатся фотографии с изображением фабрик, рабочих бригад, дореволюционной панорамы городов, образцы заводской продукции, харчевые книжки, дневниковые записи и интервью рабочих, которые и составляют основную массу материалов. Эти интервью взяты по методике «истории жизни». В них подробно освещены биографии людей, которые работали на этих заводах.

Вопросный лист включал пункты о происхождении и жизни крестьян до поступления на завод, вопросы о быте, культуре и жизни рабочих на заводе. Значительная часть вопросов, а также большая по объему часть интервью затрагивают темы истории революционной борьбы на заводе, формы организации ячеек, воспоминания о событиях 1905 г. В рамках данной работы для нас наиболее важны вопросы о дозаводской, т. е. «крестьянской» жизни рабочих, а также описание заводской, т. е. собственно «рабочей» жизни. Очень важно то, что в документах без искажения «слышен голос простого человека», а не мнения исследователей.

Материалы подмосковных экспедиций были собраны на ситценабивной фабрике «Новая Мыза» в г. Серпухове, до революции принадлежавшей Коншину, на керамическом заводе в Дулеве (бывший завод Кузнецова), на текстильном заводе в Щелково (бывший завод Рабенека). Материалы заводских экспедиций дополняют сельские экспедиции по теме «Развитие капитализма в крестьянском хозяйстве конца XIX – начала XX в.», собранные в Дмитровском и Волоколамском уездах. Основную массу этих материалов также составляют рассказы рабочих и крестьян – ответы на тот же вопросник, который применялся в ходе городской экспедиции.

Изучение процесса генезиса рабочих как социальной группы имеет свою историю. Начальный этап интереса к проблеме рабочих связан с первым десятилетием после Октябрьской революции. В это время группа историков образовала комиссию по изучению истории труда в России, печатным органом которой стал журнал «Архив истории труда в России». В состав комиссии вошли такие историки, как И.М. Кулишер, А.Е. Пресняков, Е.В. Тарле, возглавлял ее С.Ф. Платонов. Объектом их

интереса стал труд и трудовой человек: крестьянин, ремесленник и рабочий. Однако ученые-немарксисты не смогли выполнить задачу, стоящую перед новым направлением – историей рабочих, под которой понималась именно история пролетариата.

В 1922 г. в газете «Красная летопись» – официальном органе Петроградского Бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии – была опубликована рецензия М.К. Лемке на первые три номера «Архива...». В ней журнал критиковался за недостаточное внимание к рабочему (многие статьи посвящены крестьянам и ремесленникам), незаинтересованность периодом конца XIX – начала XX в. (только 30% публикаций относилось к этому времени) и за отсутствие марксистской методологии (авторы говорили об отказе от обобщений и социологического анализа, дабы показать повседневную жизнь без искажений). В 1925 г. руководство журнала сменилось, а сам он был закрыт³.

Изучение истории рабочего класса на основании марксистской методологии было инициировано партийным руководством. В октябре 1927 г. юбилейная сессия ЦИК СССР приняла специальное решение об организации планомерного изучения истории рабочего класса СССР⁴. С этого момента начинаются эмпирические исследования быта и культуры пролетариата, появляются сборники, где публиковались интервью рабочих. Во введении к сборнику, посвященному заводу «Красный пролетарий», было сказано, что подобные сборники представляют собой не только исследования, но и «интересное и *поучительное* (курсив мой. – А. Т.) чтение для современной молодежи»⁵. Слово «поучительное» употреблено здесь не случайно, поскольку эти сборники включали не репрезентативную выборку рабочих биографий, а лишь биографии, соответствовавшие, условно говоря, образу «идеального советского рабочего».

Во введении к сборнику выделяется три типа дореволюционных рабочих: «1) немногочисленная высококвалифицированная верхушка; 2) численно преобладающая масса неквалифицированных, связанных с деревней, отсталых рабочих; 3) между ними находящийся квалифицированный слой рабочих <...>, в той или иной мере затронутых рево-

люционной пропагандой, имеющих слабые связи с деревней». Именно биографии представителей последней группы и попали на страницы сборника⁶. Иными словами, перед нами пример исследования с элементами сознательного конструирования образа социокультурной группы⁷.

Первые исследовательские работы, связанные с изучением быта рабочих, появились в 1950-е годы. В 1950 г. Н.Н. Чебоксаров издал программную статью «Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих», в которой говорилось уже об изменении их жизненного уклада после революции 1917 г⁸. С этого времени начинаются многочисленные исследования об изменениях в культуре и быте рабочих, наиболее известные из которых, – это Историко-бытовые экспедиции ГИМ (которыми пользуется автор), городские экспедиции 1960-х годов Института этнографии в Калужскую и Тульскую области⁹, а также цикл исследований культуры и быта уральских рабочих¹⁰.

Согласно марксистскому определению, рабочим является человек, не имеющий права собственности на средства производства, который продает свои навыки и умения, получая в обмен за это заработную плату. Таким образом, рабочим может быть человек, занятый в сельском хозяйстве (сельскохозяйственный рабочий), занятый в подсобном хозяйстве ремесленника и работник фабрики. Для России конца XIX – начала XX в. такое определение нуждается в существенных поправках.

Во-первых, в русской деревне сфера найма сельскохозяйственных рабочих была ограничена. Существовало два типа хозяйств: крестьянские и частновладельческие. Последние принадлежали и крестьянам, и купцам, и бывшим помещикам. Крестьянские частновладельческие хозяйства в средней полосе России представляли собой расширенные крестьянские хозяйства, где производство велось традиционным способом. Купеческие хозяйства заводились, как правило, для получения доступа к лесам или для постройки предприятий, поэтому они, по сути, не создали собственный способ ведения сельскохозяйственных работ. Отличным от крестьянского способом ведения хозяйства обладали бывшие помещичьи владения, хотя очень многие формы отношений

землевладелец – сельскохозяйственный рабочий происходили от традиционных отношений помещик – крепостной крестьянин.

Рассмотрим возможности применения наемного труда при обоих названных способах ведения хозяйства: крестьянском и землевладельческом.

В крестьянском хозяйстве применение наемного труда было практически невозможно по двум причинам. Во-первых, крестьянский надел в средней полосе России был настолько мал, что в державшей его семье – которая насчитывала обыкновенно 5–6 человек – почти всегда в избытке была рабочая сила, а не земельная площадь. Согласно статистическим исследованиям, земельная обеспеченность крестьянства после отмены крепостного права резко понизилась из-за быстрого демографического роста населения. Если в 1861 г. средний надел составлял 4,8 дес., то к 1900 г. он уменьшился вдвое. «В конце концов, Россия превращалась не только в страну мелкого хозяйства, но в ней пускало прочные корни и хозяйство мельчайшее, парцеллярное, не способное доставить своему владельцу самых необходимых средств к существованию»¹¹.

Во-вторых, в крестьянской культуре были сильны традиции, которые регламентировали поведение жителей деревни. В цикле годовых работ было необходимо выполнять большой объем работ в течение двух периодов: во время сева и во время уборки урожая. Для выполнения этих работ в деревнях прибегали к обычаю, который позволял компенсировать нехватку рабочих рук, – это *помочи*¹².

Существовали разные *помочи*: для возки бревен из леса при постройке избы, для сооружения глинобитных печей, для уборки урожая и других работ, требующих большого количества рабочих рук на короткое время. У этого обычая было несколько важных особенностей. Во-первых, помочи чаще всего устраивались в воскресенье, когда другие виды работ крестьянин выполнять не мог. Таким образом, помочи увеличивали рабочее время крестьян, строго регламентированное традицией. Во-вторых, угощение на *помочах* являлось элементом престижной экономики – так богатые крестьяне повышали свой социальный статус. Известны случаи, когда помочанам выставлялись 15 перемен

различных блюд¹³. Экономический расчет, проведенный дореволюционными исследователями крестьянского хозяйства, показал, что в таких случаях наем работников обходился дешевле, чем приготовление угощения¹⁴. Кроме того, в обрядовую часть *толоки* – помочей при уборке урожая – как составные части входили элементы обрядов жизненного цикла. Вероятно, в древние времена с уборкой урожая были связаны обряды перехода невесты из дома отца в дом мужа и поминовения покойников¹⁵. Таким образом, обычай помочей или толоки выполнял не только экономические функции (обеспечение нужного количества рабочих рук в отдельном хозяйстве), но и социальные (общение молодых людей, демонстрация достатка), а также имел важное значение как действие, включающее в себя обрядовые элементы.

Обобщая все сказанное выше, можно констатировать: в крестьянском хозяйстве помочи имели настолько прочные корни, что наем сельскохозяйственных рабочих с трудом мог с ними конкурировать.

Во владельческом хозяйстве отношения крестьян и землевладельца часто основывались на дореформенных обычаях. Так, большинство владельцев – бывших помещиков – сдавало свою землю в аренду. Эту аренду исследователи называли «голодной»¹⁶. Участок земли сдавался на короткий срок (чаще всего на год), а арендная плата бралась не фиксированная, а в размере половины урожая. Название происходит от того, что брали эту землю в аренду не те крестьяне, которые могли ее достойно обрабатывать и удобрять, а те, у которых не хватало собственной земли, чтобы прокормить семью. В итоге земля обрабатывалась плохо, урожай получался низкий, а плодородие почвы не восстанавливалось.

Однако крестьяне порой не признавали иных форм взаимоотношений с помещиком. Так, в имении князя В.А. Меншикова в сельце Александрове Клинского у. рабочих приходилось искать в Смоленской губ., поскольку местные крестьяне отказывались наниматься за деньги¹⁷, а работали за аренду выгонов и покосов, что было также наследием отношений крестьянин – помещик.

Итак, можно сделать вывод, что применение труда наемных рабочих в сфере сельского хозяйства в средней полосе России в конце XIX

– начале XX в. было весьма ограниченным. В большинстве случаев труд наемных рабочих в Подмоскowie в сельскохозяйственной сфере не использовался.

Подобная ситуация сложилась и в области ремесленного труда. Здесь, как и в сельском хозяйстве, были сильны патриархальные устои, которые выражались в следующих обычаях.

Как известно, в традиционном обществе все его члены равны. Неравенство существует только на уровне семейном: вся семья подчиняется *большаку* – главе большой семьи, младшие – старшим, и т. д. Таким образом, ситуация поступления одного человека в подчинение к другому сводилась к приему его младшим членом семьи. Безусловно, в конце XIX – начале XX в. не может быть речи о прямом открытом усыновлении наемных рабочих, однако многие формы поведения хозяина по отношению к рабочим свидетельствуют об этом.

Во-первых, все рабочие, которые трудились у определенного хозяина, жили у него в доме. Так полагалось делать даже в том случае, если дом работника находился в той же деревне. Отпускали же мастеров и подмастерьев домой только на Рождество и Пасху¹⁸. Кроме того, все мастера и подмастерья в большинстве случаев питались вместе с хозяином. Хозяин же предоставлял одежду «мальчикам» и подмастерьям¹⁹.

Во-вторых, чтобы попасть в мастерскую, необходимо было поступить к хозяину в качестве «мальчика». Мальчики не выполняли никаких дел, связанных с ремесленной работой, а помогали в подсобном хозяйстве: подметали избу и мастерскую, следили за домашними животными, выполняли огородные работы²⁰. Отдавая детей «в мальчики», крестьяне, с одной стороны, обеспечивали ребенку будущую профессию, с другой – это была особая деревенская форма взаимопомощи. По свидетельству различных источников, «в мальчики», как правило, отдавали детей из бедных семей²¹. Чтобы стать подмастерьем, необходимо было проработать около пяти лет. Заработную плату мальчики получали «на отживе» – т. е. после окончания того времени, которое они провели у хозяина²². Таким образом, на время проживания у ремесленника мальчики фактически были в его семье на положении детей.

В-третьих, даже в отношениях с более взрослыми работниками хозяин вел себя примерно так же, как большак. Хозяин часто выступал в роли «воспитателя работающей у него молодежи». «В Ефремове один из богатых купцов-меховщиков, державший у себя 50 рабочих и служащих, после 12-часового рабочего дня отпускал домой только семейных, холостых же на ночь запирали в отведенном для них помещении»²³. Более того, во время важных событий в жизни – свадьбы, болезни родственника, рождения ребенка – хозяин выдавал своему мастеру или подмастерью деньги²⁴. Существенное отличие от семейных отношений заключалось в том, что эти деньги выдавались не в подарок, а в долг, и мастер должен был их потом отработать. Однако сам факт выдачи денег, безусловно, свидетельствует о традиционных патриархальных отношениях в ремесленной среде.

Итак, если подвести итог сказанному выше, то станет понятно, что труд наемного рабочего мог применяться только на фабриках и заводах. Однако и здесь следует сделать существенную оговорку: дело в том, что наемная рабочая сила применялась не во всех сферах, а лишь в сфере неквалифицированного малооплачиваемого труда.

Фабричный труд на рубеже XIX – XX вв. не был автоматизирован, и значительное количество времени и действий уходило на ту работу, которую позднее стали выполнять различные машины. В цехах работали бригады по несколько человек, причем квалифицированным специалистом был только один из них. Так, на заводе Гужона в мартеновском цехе в бригаду входили: «сталевар, два подручных, мальчик на крышках и восемь завальщиков»²⁵. «Завальщики» поддерживали огонь в печи, заваливали ее сверху глиной, складывали туда заготовки. Мальчик на крышках следил за температурой в печи (по приказанию сталевара). Помощники сталевара также выполняли его указания. Таким образом, обладал знаниями и определенной профессией в бригаде из 12 человек один сталевар. Он же получал половину денег, заработанных бригадой²⁶.

Мастерами в бригадах по большей части были иностранцы: французы и англичане²⁷. Иногда мастеров приглашали из старых промышленных районов. Так, на заводе Гужона работали некие «чеченцы».

Все они были высококвалифицированными рабочими – «вальцовщиками, сварщиками, первыми подручными, их Гужон перевел со своего небольшого заводика в Ивановке, где делали гвозди и проволоку, когда выстроили мартеновский цех и надо было пустить завод»²⁸. В данном случае мы имеем дело с приглашением рабочих из с. Чеченского Нижегородской губ.

Следует отметить, что в отношениях с высококвалифицированными рабочими хозяева незаметно переходили к тем же полупатриархальным отношениям, которые господствовали в ремесленной среде. Так, для «чеченцев» Гужон специально нанял квартиры в нескольких домах, которые образовали «чеченскую слободу»²⁹. Для обычных рабочих хозяин завода никогда не снимал квартир. Зато подобная ситуация личного приглашения мастера хозяином типична для ремесленного труда³⁰, поскольку соотносится с установлением личных, в определенной мере патриархальных, отношений.

Итак, мы в целом ответили на первый поставленный вопрос: определили сферу, где мог применяться труд наемных рабочих – это неквалифицированный труд на крупных фабриках и заводах. В сфере же сельского хозяйства и ремесленного производства были сильны традиционные, некапиталистические взаимоотношения.

Перейдем ко второму вопросу и попытаемся понять, почему рабочие не стали особым социальным слоем со своим профессиональным самосознанием и субкультурой. Для этого дадим общую характеристику и опишем основные культурные явления рабочей среды.

Итак, основной характеристикой рабочих была «текучесть». Они постоянно меняли место работы, почти никогда не возвращаясь на прежнее место. Часто, уходя в отход, они каждый раз меняли род деятельности. Так, крестьяне с. Бужарово постоянно уходили в Москву, но как пишет Е.С. Радченко, «и в этой области нет у них специальности»³¹.

Вот ряд других примеров. Крестьянин Д.Л. Дубровин из Дмитровского у. работал мальчиком на побегушках, подручным мастера алмазника, мотальщиком бумаги, самостоятельно занимался галуннотесным промыслом, а потом работал в Москве на различных рабо-

тах, несколько раз меняя место³². Другой рабочий, Д.Е. Меньшов, работал на машине «Мюле» на заводе Новая Мыза в г. Серпухове, после стачки был уволен и поехал в Москву. Там он устроился работать разнорабочим на завод Бари³³. К.А. Кузьмичев перед тем как стать ткачом на «Новой Мызе», работал чугушником на литейном заводе в Калужской губ.³⁴ И.М. Жаворонкин из Боровского у. Калужской губ. поступил набойщиком на текстильную фабрику, потом – маляром на завод Бромлея, а затем там же стал токарем-расточником³⁵. В.Г. Объедов сначала был подпаском, потом – качальщиком воды под Москвой, мальчиком на побегушках на таможне, разнорабочим на заводе Гужона³⁶.

Подобная текучесть объясняется, с одной стороны, отсутствием специализации у большинства рабочих. Завальщиком или точильщиком мог работать любой крестьянин. В то же время рабочий, поработавший на этих должностях, мог устроиться на другую «вакансию», предполагавшую примерно те же навыки. С другой же стороны, текучесть объясняется структурой крестьянской семьи. Она была коллективным собственником земли, орудий труда и посевных материалов, но ответственность за ведение хозяйства лежала на большаке. Таким образом, в случае, если земельный надел был невелик, большак мог заниматься земледелием в одиночку или с женой, остальные члены семьи могли уходить на заработки. Когда же большак умирал, то новый, как правило, уходил из города, «потому что в деревне было некому хозяйствовать». При крайней скудости земельного обеспечения хозяйство вели только оставшиеся там женщины.

Второй характерной чертой фабричных являлось сознание «крестьянина, приехавшего на заработки в город», а не рабочего. Эта особенность проявлялась в различных ситуациях. Так, крестьянин мог сохранить в качестве прозвища свою деревенскую профессию. Например, один рабочий с завода Гужона, который работал литейщиком в болтовом цехе, звался «шорником (курсив мой. – А.Т.) Панфиловым»³⁷.

В письмах домой рабочие перечисляли поименно всех жителей своей деревни и передавали им поклоны, например: «пишет такой-то

отцу такому-то и просит у него благословения на веки нерушимого, шлет родным и близким поклоны от неба до сырой земли, называя каждого по имени и отчеству, иногда пишутся поклоны почти всей деревне с прописанием имен с отчеством. И это, в понятии народа, верх ума, что никого родимый не забыл, а всех помнит»³⁸.

Третьей чертой заводской среды в конце XIX – начале XX в. было то, что рабочие в большинстве случаев жили в городе в одиночку, без семей. Так, у Я.Е. Голубева «вся семья оставалась в деревне до 1924 г., и только жена несколько раз в год приезжала»³⁹. Дата переезда семьи в город, кстати, подтверждает гипотезу о том, что многие крестьяне «стали» рабочими после революции⁴⁰. В подавляющем большинстве случаев семья «фабричного» оставалась в деревне⁴¹.

Итак, на основании приведенных фактов можно заключить, что крестьянин-отходник, приходя в город, оставался крестьянином и не приобретал особого самосознания и культурной специфики. Почему же так происходило?

Первой причиной отсутствия ярко выраженного самосознания является особенность той сферы, где применялся рабочий труд. Низкоквалифицированный, обезличенный труд на крупных предприятиях не имел особенностей, которые могли бы лечь в основу новой формирующейся субкультуры. Кроме того, подобный труд способствовал текучести кадров. А постоянная смена мест и проживание в отрыве от семьи препятствовали трансформации самосознания рабочего, для которого городская жизнь представлялась чем-то временным.

Второй причиной является особенность крестьянского мировоззрения, в котором статус земледельческого труда был гораздо выше всех остальных занятий. Эта особенность мировоззрения выражается в закономерности крестьянского поведения, которая была выявлена эмпирически А.Н. Энгельгардтом, а позже подтверждена статистическими исследованиями. В «Девятом письме» «из деревни» А.Н. Энгельгардт выводит эту закономерность сельскохозяйственной жизни: «хлеб дорог – мужик дешев»⁴². Это наблюдение подтвердили статистические исследования известных ученых-аграрников начала XX в.⁴³ Автор статистического исследования о взаимосвязи поденной оп-

латы труда и цен на рожь, Н.Ф. Анненский, приходит к такому выводу: «Во всех случаях оказывается, что при повышении урожаев повышаются и рабочие платы»⁴⁴. Словом, только неудачи в земледелии толкали крестьянина к отходу.

Однако крестьянин «предпочитал с возрастающими усилиями и нуждой “кормиться” с меньшей площади, чем идти на фабрику или переселиться в неизведанные страны»⁴⁵, т. е. уже в начале XX в. действовал крестьянский принцип, подмеченный А. Н. Энгельгардтом: «Если у мужика достаточно своего хлеба, то, хотя бы хлеб и был дорог, мужик все-таки не пойдет наниматься на страдные работы к помещику»⁴⁶.

Сами крестьяне искренне верили, что земледелие остается их основным источником дохода. Так, этнограф Е.С. Радченко пишет: «Для уяснения роли сельского хозяйства в жизни бужаровского населения укажем прежде всего то, что семей, не ведущих такового, – нет совсем; хозяйства, имеющие сельское хозяйство единственным источником существования, составляют 32 %, остальные хотя и имеют внеземледельческий заработок, но основным источником существования *считают* (курсив мой. – А. Т.) сельское хозяйство. Подчеркиваю “считают”, потому что этим выражается не столько объективное положение вещей, сколько субъективная оценка»⁴⁷.

Третьей причиной было то, что само государство не признавало рабочих как особую социальную группу и не оказывало им помощь в трудных ситуациях. Выборы в земские собрания, по свидетельствам очевидцев, проходили таким образом, что, например, в Покровском у. Владимирской губ. «по расписанию, гласных от дворян полагалось больше, чем оказывалось в уезде цензов дворянских», в то время как «рабочие как таковые не имели совсем своих представителей»⁴⁸.

Сами хозяева предприятий стремились «окрестьянить» своих рабочих. Даже проживая в общежитии при предприятии, рабочий должен был платить подушную подать. Часто сам владелец предприятия переводил деньги в государственный банк в счет недоимок. Так, владелец Серпуховской текстильной фабрики Коншин «вычитал у своих работников оброк – недоимки, не уплаченные семьей в деревне»⁴⁹.

Кузнецов – владелец Дулевской фарфоровой фабрики, которая располагалась в лесу вдали от обжитых мест, не разрешал рабочим жить в общежитии, а требовал от них постройки деревянных домов и ведения подсобного хозяйства⁵⁰.

Подводя общие итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Сфера применения свободного наемного труда, основанного на конкуренции и профессионализме, в средней полосе России конца XIX – начала XX в. распространялась только на низкоквалифицированный труд на крупных предприятиях. В земледельческой сфере в данном регионе наемный труд применялся мало, а в ремесленной сфере наем был основан на традиционных патриархальных отношениях.

2. Рабочие не были некой постоянной группой. Они все время меняли место работы и часто в конце жизни вновь становились крестьянами. Общая текучесть рабочих и раздельное проживание с семьей привели к тому, что у них не оформилось особое самосознание и не сформировалась своя субкультура. Большинство из них считало себя крестьянами.

3. Причинами незавершенности формирования самосознания и субкультуры рабочих были: а) неширокая сфера применения свободного наемного труда; б) традиционное мировоззрение крестьян, в котором земледелие представлялось основой экономики; в) официальная политика сохранения крестьянства, непризнание рабочих отдельной социальной группой и препятствование ее формированию.

Примечания

¹ Радченко Е.С. «Село Бужарово», Воскресенского района, Московского округа: Монографическое описание деревни. М., 1930. С. 39; Пругавина В.С. Промыслы Владимирской губернии. Вып. I. Александровский уезд. М., 1882. С. 66.

² Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 426, 433.

³ См.: Майдачевский Д.Я. «Архив истории труда в России»: попытка историко-экономического журнала // «Архив истории труда в России». «Труд в России». 1921–1925 гг. Указатель содержания журналов. Иркутск, 2000.

- ⁴ *Савицкая Л.И.* Некоторые вопросы историографического исследования советского рабочего класса // Вестн. Ленинградского гос. университета (далее – ЛГУ). Сер. «История. Язык. Литература». Вып. 3. № 14. Л., 1969. С. 17.
- ⁵ Рабочие завода «Серп и Молот» (б. Гужон) в 1905 году. М., 1931. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 9.
- ⁷ Вопрос о соотношении элементов конструирования и исследования может быть предметом для дальнейшего исследования при условии привлечения данных других архивов.
- ⁸ *Чебоксаров Н.Н.* Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих // Сов. этнография (далее – СЭ). 1950. № 4.
- ⁹ *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы Российской Федерации в прошлом и настоящем. М., 1977.
- ¹⁰ *Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974.
- ¹¹ *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 105.
- ¹² *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 32–93.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 52.
- ¹⁵ *Дубенский Н.* Крестьянское и господское хозяйство в опольщине Владимирской губернии // Современная летопись. 1871. № 3–5. С. 5.
- ¹⁶ *Туторский А. В.* Трудовые традиции русских крестьян XIX в. / Рукопись. Депонент в ИНИОН РАН № 57265 04.06.2002. С. 42.
- ¹⁷ *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 87.
- ¹⁸ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. II. Хозяйство частных землевладельцев Московской губернии. Ч. III Описание отдельных имений / Сост. К. Вернер. М., 1883. С. 33.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Д. 18. Л. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же; ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 25. Л. 100; Историко-бытовые экспедиции 1951–1953. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века. М., 1955. С. 111.
- ²² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. I. Вып. I. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877. С. 29; ОПИ ГИМ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 16. Л. 44.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

- ²⁴ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 73.
- ²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 18. Л. 17, 31.
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
- ²⁷ Там же. Л. 3, 18.
- ²⁸ Там же. Л. 3, 7, 12, 20.
- ²⁹ Там же. Л. 29.
- ³⁰ Там же. Л. 33.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.
- ³² Радченко Е.С. Указ. соч. С. 39.
- ³³ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Д. 18. Л. 37.
- ³⁴ Там же. Д. 34. Л. 39 об.
- ³⁵ Там же. Л. 47 об.
- ³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 16. Л. 46.
- ³⁷ Там же. Л. 22.
- ³⁸ Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действительным членом статистического комитета, священником Селезевым. Рязань, 1871. С. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 27.
- ⁴⁰ Там же. Л. 36.
- ⁴¹ Там же. Л. 13, 19; 35, 80.
- ⁴² Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1999. С. 347.
- ⁴³ Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 119; Чаянов А.В. Избр. тр. М., 1993. С. 89–90.
- ⁴⁴ Анненский Н.Ф. Цена на земледельческий труд в связи с урожаями и хлебными ценами // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского сельского хозяйства. СПб., 1897. С. 521.
- ⁴⁵ Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 119.
- ⁴⁶ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 346–347.
- ⁴⁷ Радченко Е.С. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁸ Сабашников М.В. Воспоминания. М., 1983. С. 214.
- ⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 34. Л. 87, 95 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 25. Л. 2.